

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ф. Ш. Шабанов

**О СВЕТСКИХ ПРАВОВЫХ НОРМАХ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ПЕРИОДА РЕФОРМ XIX в.**

Первые попытки ввести в правовую систему феодальной Османской империи элементы светского, буржуазного права относятся к периоду 30—50-х годов XIX в. Сама же идея необходимости перенимания Турцией западных правовых установлений зародилась еще в конце XVIII — начале XIX в. в среде крайне узкого круга первых турецких дипломатов — передовых в то время государственных деятелей. Пребывание турецких дипломатов в посольствах в Лондоне, Вене, Берлине, Париже, личное общение их с иностранцами, ознакомление с экономикой, культурой, общественно-политическим строем западных стран — все это укрепляло у них убеждение в превосходстве европейских установлений над турецкими.

В представляемых султану Селиму III докладных записках, посольских донесениях (сефарет-наме)¹ выдвигалась идея перестройки по западному образцу не только военной организации, но и экономики, финансовой системы, административных органов. На формирование прогрессивных идей в Османской империи значительное влияние оказало близкое знакомство отдельных представителей новочиновничьей турецкой интеллигенции с светскими принципами французской буржуазной революции, с доктриной «Естественного права», содержанием сочинений Руссо, Вольтера, Монтескьё.

Прогрессивные принципы французской буржуазной революции явились знаменем национально-освободительной борьбы балканских народов, веками поработанных под османским игом. Но они не могли иметь сколько-нибудь существенного практического применения в деле перестройки правовой системы Османской империи. Замена религиозно-юридических установлений шариата светскими, буржуазными правовыми нормами означала бы подрыв экономического фундамента, социальной, политической и правовой основ феодально-монархиче-

ского режима Османской империи. Между тем вся политика Селима III была направлена именно на восстановление престижа монархии и ее правовой основы, на предотвращение дальнейшего распада Османской империи и централизацию государственной власти.

Светские, буржуазно-демократические идеи и принципы нашли свое дальнейшее развитие и стали частично вводиться в отдельные отрасли правовой системы Османской империи после ликвидации янычарского корпуса, ограничения влияния реакционных улемов и своеволия местных правителей, отмены тимарной системы (1834) и провозглашения первого акта танзимата — Гюльханейского хатт-и-шерифа (1839). Гюльханейский акт, провозгласивший ряд положений, направленных против феодальных привилегий и феодального произвола, был составлен Мустафой Решид-пашой, но отдельные его положения сформулировались и обсуждались в среде узкого круга молодых турецких дипломатов (Садыка Рифата, Мустафы Сами, Нури-эфенди, Мехмета Шекипа, Ибрахима Сарыма и др.), побывавших в посольствах в европейских странах и знакомых в той или иной степени с западной культурой, идеологией и экономикой, с идеями и принципами французской буржуазной революции.

Основные светские принципы были сформулированы в Гюльханейском акте в трех пунктах: 1) обеспечение всем подданным (без различия религии, национальности, общественного и служебного положения) неприкосновенности жизни, имущества, чести и достоинства; 2) правильное и регулярное распределение и взимание заранее определяемых государством податей и отмена системы откулов; 3) правильный призыв на военную службу и установление определенного срока ее продолжительности².

Основные положения Гюльханейского акта были несколько расширены и конкретизированы в фирмане 1856 г.³ Этот фирман, как и первый акт танзимата, лишь провозгласил реформы, а функции по реализации их путем разработки и обнародования с санкцией султана возлагались на Высший совет юридических установлений (Меджлис-и валаи Ахкям-и адлие), созданный еще при Махмуде II в 1837 г., а затем и на вновь созданный в 1853 г. Высший совет танзимата (Меджлис-и али танзимат).

Задача этих юридических советов была весьма ответственной и трудноосуществимой. Им вменялось в обязанность составление кодексов по отдельным отраслям права со светскими правовыми нормами, закреплявшими провозглашенные в основных актах танзимата буржуазно-демократические принципы свободы и равенства всех подданных Османской империи, неприкос-

новенность их личности, имущества и чести. Кодификация таких светских правовых норм в условиях безраздельного господства шариата и феодальных производственных отношений означала бы прежде всего нарушение основ «божественного закона», чего, разумеется, не могли допустить фанатики-улемы, консервативно и реакционно настроенная часть высшего чиновничества.

В таких случаях законодатель мог использовать нормы веками сложившегося в Османской империи обычного права. Ханифитская юриспруденция предоставляла главам мусульманского государства возможность издавать отдельные законы и прочие нормативные акты — не только в согласии с принципами шариата и фикха, но и на основе обычного права с учетом изменений в общественно-политическом строе страны. Такими законами являлись, например, уложения Мехмета Фатиха и Сулеймана Кануни, составленные применительно к условиям военно-ленной системы.

Движение за кодификацию по отдельным отраслям права фактически началось после обнародования Гюльханейского хатт-и-шерифа⁴. Первым кодексом был Уголовный закон (Джеза кануну), принятый 3 мая 1840 г., т. е. спустя 6 месяцев со дня провозглашения танзимата. Как видно из преамбулы этого закона, он был составлен в соответствии с положением Гюльханейского акта о «неприкосновенности жизни, имущества, чести всех подданных, их равенства перед законом». Так, в нем провозглашался светский принцип формального равенства всех перед законом, независимо от их принадлежности к тем или иным национальностям и вероисповеданиям. Закон подтверждал положение танзимата, что «ни публично, ни тайно, при помощи яда или другого способа не казнить преступника, прежде чем его вина не будет доказана и он не будет осужден по закону». «Никому не разрешается убивать кого бы то ни было; тот, кто нарушит этот закон, будь он хоть великий везир, сам будет осужден на смерть...»⁵.

В Уголовном законе 1840 г. заметно сочетание шариатских норм с нормами светского права. В нем говорилось, что все процессы, которые могут повлечь за собой смертный приговор, если преступление совершено в столице, должны проходить в присутствии шейх-уль-ислама (т. е. главы шариатского судебного ведомства).

Светские правовые нормы получили дальнейшее развитие после обнародования фирмана о реформах 1856 г. в опубликованном 9 августа 1858 г. Уголовном уложении (Джезаканунаме-и хумайюню). Оно было основано преимущественно на принципах западного уголовного права времен становления капитализма в странах Западной Европы, и прежде всего на

принципах французского Уголовного кодекса 1810 г. В основу Уголовного уложения положены, например, такие принципы наполеоновского кодекса, как принцип легальности (законности), выразившийся в правиле: «нет преступления, нет наказания без указания о том в законе», принцип «формального равенства всех перед законом», «соответствие наказания тяжести преступления», всемерная охрана собственности (частной). Вместе с тем Уложение сохраняло ряд видов наказаний, санкционированных шариатом [например, «диет» (плата за убийство), «кысас» (возмездие)].

Уложение 1858 г., как и французский кодекс 1810 г., определяло преступление как всякое деяние, направленное против государства, общественного порядка и отдельных личностей. Оно различало деяния умышленное и неумышленное, случайное и неосторожное. По степени тяжести и опасности для общественного спокойствия все виды преступлений делились на три категории под своими названиями: а) «джинает» — тяжкие преступления; б) «джюнха» — менее тяжкие; в) «кабахат» — проступки. Наиболее тяжкие наказания применялись во многих случаях (за мятеж, массовое убийство, расхищение государственного имущества и казнокрадство, вооруженный грабёж, разбой и пр.)⁶.

Уголовное уложение 1858 г. по сравнению с предыдущими законами представляло значительный шаг в развитии уголовного законодательства Османской империи. Оно вводило единую систему уголовного права взамен шариатских, местных установлений и обычаев, закрепляло, хотя и формально, одинаковую ответственность всех подданных империи перед уголовным законом. Однако Уголовное уложение как руководство для светских судебных и прочих карательных органов Османской империи имело такое же «практическое» значение, как и многие другие юридические акты танзимата: произвол, подкупы, злоупотребления, дискриминация в отношении немусульман в имперских судах при разборе уголовных дел были нередкими случаями и после введения в действие уложения 1858 г.

Светские, буржуазно-правовые принципы закреплялись в годы танзимата и в ряде других законов, принятых в основном по образцу западных законов или с заимствованием у них соответствующих положений. К таким законам относится Коммерческий кодекс 1850 г. (Тиджарет-и берие кануну) — закон о сухопутной торговле, почти скопированный с французского коммерческого закона. В 1864 г. принят Закон о морской торговле (Тиджарет-и бахрие кануну) с заимствованием норм из итальянских морских торговых кодексов (Сардинии, Сицилии), а также Бельгии, Испании, Пруссии. Но в основе его был французский закон.

В соответствии с Коммерческим кодексом и дополнением к нему (1860 г.) были созданы коммерческие суды под надзором министерства торговли. Для практического осуществления статей в коммерческих судах был принят в 1862 г. Процессуальный торговый устав (Усули мухакиме-и тиджарет низамнамеи) на основе французского кодекса.

Из всех отраслей права, действовавшего в период танзимата, наиболее сложным, запутанным и противоречивым по своему характеру и содержанию было гражданское право, в особенности такие существенные его отрасли, как обязательственное право, брачно-семейное, отчасти и наследственное право. Гражданские правоотношения, в том числе и договорные отношения между подданными Османской империи, регулировались исключительно на основе постановлений шариата, разработанных ханифитской юриспруденцией на арабском языке и размещенных в различных книгах фикх. Это создавало большие трудности в их использовании для практической надобности, а главное — поощряло злоупотребления шариатских судей при рассмотрении и решении тех или иных юридических казусов. Отсутствие в то время единого, научно разработанного, систематизированного, составленного на турецком языке кодекса законов гражданского права не могло не вызвать упреков со стороны европейских современников в адрес сторонников танзимата⁷. В соответствии с положениями танзимата нужно было внести изменения и в правовое положение подданных, в особенности христианских подданных Османской империи, на чем усердно настаивали европейские державы под видом «покровительства и защиты» интересов своих единоверцев.

Потребность в новом гражданском и гражданско-процессуальном законах обуславливалась не только теми изменениями, которые происходили в годы танзимата в области экономики и торговли, в земельных и договорных отношениях. Необходимость в разработке нового кодекса диктовалась общей политической прайвительства по «европеизации» общества и правовой системы путем перенимания западных законов и перевода их на турецкий язык для применения на практике. Эту идею особенно отстаивал Али-паша. Мысль о модернизации мусульманского феодального гражданского права впервые зародилась у Али-паши в 1856 г. во время Парижской конференции; отчасти она была продиктована ему западными дипломатами — участниками конференции. Али-паша, выступая тогда на конференции, поставил вопрос об отмене капитуляций. Но на это ему ответили: «Ваши законы односторонние, составлены только для мусульман. Измените ваши законы, и мы тогда откажемся от капитуляции»⁸.

В целесообразности введения в Османской империи единых

для мусульманского и немусульманского населения законов Али-паша убедился окончательно в 1867 г. во время подавления восстания на Крите. Он считал одной из причин восстания отсутствие юридических гражданских установлений. Так, в докладной, посланной с Крита на имя султана Абдул Азиза, Али-паша писал: «Стало необходимым перевести французский гражданский кодекс на турецкий язык с обязательным применением его в гражданских судах, как это было в Египте. Это не затронет шариатского закона, так как будет применяться в смешанных судах для разбора дел по имущественным спорам, сделкам...»⁹.

Мнение о заимствовании французских гражданских законов поддерживалось узким кругом либеральных политических деятелей. Спорным являлся лишь вопрос об основах, характере и содержании предполагаемого кодекса. Пока шел оживленный спор по вопросу о содержании кодекса, Али-паша развивал свой тезис путем всестороннего изучения французского гражданского кодекса. В конце концов созданные специальная комиссия (под председательством Фуад-паши) затем и кодификационная комиссия (под председательством Ахмеда Джевдет-паши) сочли обоснованным мнение Джевдет-паши и других сторонников разработки нового кодекса на основе фикха путем перевода на турецкий язык основных положений ханифитской догмы со строгим соблюдением принципов шариата¹⁰.

И такой кодекс появился в результате десятилетнего труда кодификационной комиссии. Но это был не полный гражданский кодекс, а изложение в основном постановлений фикха по юридическим сделкам. Этот кодекс (Меджелле-и Ахкям-и Адлие), подвергаясь дальнейшим изменениям и дополнениям, сохранял свое значение вплоть до принятия республиканского гражданского кодекса 1926 г.

Обнародование первого турецкого гражданского кодекса явилось все же важным событием в дореспубликанской Турции. Гражданский кодекс хотя и не выходил за пределы учения ханифитской юриспруденции, однако он содержал определенную постоянную систему изложения соответствующих норм мусульманского права с внесением в них некоторых изменений применительно к условиям танзимата.

Что касается идеи Али-паши о переводе французского кодекса 1810 г. на турецкий язык для использования в регулировании гражданско-правовых отношений между всеми подданными в Османской империи, то она в условиях феодально-теократического государства, каким являлась Османская империя, не могла быть претворена в жизнь. Еще в 1854 г., когда западные державы требовали от султанского правительства осуществления правового равенства немусульман с мусульманами

империи, К. Маркс писал: «Однако это либо ровно ничего не означает, либо означает предоставление политических и гражданских прав как мусульманам, так и христианам, безотносительно к тому, кто к какой религии принадлежит, и вообще независимо от всякой религии. Другими словами, это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнивать в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить коран — новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»¹¹.

Полная перестройка правовой системы турецкого общества на светских началах стала возможной лишь после победы национально-освободительной борьбы турецкого народа против иностранных оккупантов и османского феодально-теократического режима, что нашло свое отражение в новых, республиканских кодексах — уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском, гражданско-процессуальном, — принятых в период реформ 20-х годов XX в.

¹ См. подробнее: *Tarihi Cevder*. 1. tertip. Cilt 4 [Б. м., б. г.], с. 280—291; (араб. шрифт) А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя начала XIX в. М.—Л., 1947.

² См. «Düstur». 1. tertip. Cilt 1, с. 4—6.

³ Там же, с. 7—13.

⁴ Подробнее о кодификационном движении см.: *Tanzimat*. Istanbul, 1940, с. 139—209.

⁵ «Düstur», с. 8.

⁶ См.: Т. Танер. *Tanzimat devrinde ceza hukuku*. Istanbul, 1940.

⁷ См.: *Cevdet paşa. Tezakir*. 1—12. Ankara, 1953, № 8, с. 62—63.

⁸ См.: Е. З. Карагали. *Osmanlı tarihi*. Cilt 7, с. 171.

⁹ Там же.

¹⁰ S. Ferit. *Türk medeni hukuku*. Istanbul, 1956, с. 31.

¹¹ К. Маркс. Греческое восстание.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 130.